

сданные на хранение туда), и документы, составленные частными лицами без действия (участия) нотариальных и иных инстанций» (с. 219, 220). Не излагая здесь принципы «моей» классификации актов на публичные и частные², отмечу лишь, что от того, составлен ли и заверен ли частный акт нотариусом, и от того, зарегистрирован ли он в официальном архиве, получая тем самым некоторые свойства официального документа, или писан самим «автором» акта или каким-либо «писцом», не обладавшим квалификацией нотариуса, сам тип акта — как частного, — на мой взгляд, не меняется.

Хотелось бы также большей точности в использовании терминологии. Например, *absolutio*, которая означает «отпуск» документа, никак не может означать его «совершения» (с. 226, примеч. 52), так как эту функцию выполняла нотариальная *completio*; соответственно греческий термин *teleiosis* не может служить эквивалентом латинской *completio* (с. 227), — это именно *absolutio*. Группу документов, обозначавшихся термином *arographai*, вряд ли можно называть «донесениями» (с. 235); это конечно же «копии», о чем говорит сама этимология термина, вся история его употребления, да и контекст, в котором он встречается в данной книге. Неудачными представляются обозначение диспозитивной клаузулы хиро-

графа словами «констатационная часть» (с. 224), словосочетание «документы заключались в Александрии» (с. 221), и т. д. По-видимому, ошибкой следует считать утверждение, что почти на всех текстах «ипомнимы» (т. е. частного акта, стилизованного в субъективной форме) имеется «подпись адресата» (с. 223); речь, очевидно, идет о подписи самого автора акта. В книге встречаются досадные опечатки (чего стоит, например, двойное воспроизведение примечания 90 на с. 233, которое, видимо, по соображению типографов, должно компенсировать отсутствие примеч. 89). Жаль также, что типография не сумела обеспечить набор греческого текста, который почти целиком заменен латинской транскрипцией, что нельзя не квалифицировать как явный провинциализм, не зависящий, впрочем, от воли автора.

В целом же работа И. Ф. Фихмана, в которой сосредоточено и резюмировано все, что выработано мировой папирологией за 100 с лишним лет ее существования, является крупным достижением нашей науки и, без сомнения, станет настольным справочным пособием для широкого круга научных работников — историков, филологов, специалистов по праву и по дипломатике, на которых она и рассчитана.

И. П. Медведев

Н е н д у М. F. *Studies in the Byzantine Monetary Economy*: с. 300—1450. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. XXII. 773 p., 32 Maps, 25 Tables, 26 Plates.

Книга «Исследование византийской монетной экономики» преподавателя Бирмингемского университета М. Ф. Хенди посвящена малоизученной стороне экономики Византии — истории ее денежного хозяйства. Ученый понимает тему исследования в широком плане — как взаимообусловленное развитие экономики империи, ее общественного строя, финансов и, наконец, монетной системы (р. 1—2). Отправной посылкой исследования служит тезис о тождестве в античности и средневековье монетной (*coinage*) и денежной систем, которые в те эпохи удовлетворяли прежде всего государственные потребности в налогообложении и покрытии издержек (р. 4, 13).

Исследование М. Ф. Хенди затрагивает разнообразные проблемы социально-экономической и политической истории Византии. Так, в первом разделе монографии «Экономика и общество» обобщены представления об экологии Балканского полуострова и Малой Азии, об уровне развития средневекового земледелия и скотоводства. Во второй главе «Очерк географии поселения и общества» (р. 69—154) автор анализирует размещение городских селений и феодальных поместий в XI—XII вв. Сосредоточение городских центров, населения и ресурсов сельскохозяйственного производства и на Балканах, и в Малой Азии прослеживается главным образом в приморских областях. Возникновение поместий магнатов в глу-

бинных местностях Анатолийского плато объясняется обширностью азиатских владений Византийской империи в пору ее расцвета (р. 131—132). В приморских областях близ городов, в первую очередь Константинополя, и крепостей, как на Балканах, так и в Малой Азии размещались владения чиновной аристократии; поместья, расположенные во внутренних областях Анатолии, принадлежали, как правило, представителям военной знати (р. 136—137).

Говоря о товарно-денежных отношениях, М. Ф. Хенди усматривает важнейший фактор их развития в противоречиях торгово-ремесленных слоев населения с государством и основными группами господствующего класса — военной знатью и провинциальными чиновниками, с одной стороны, сановниками и столичной чиновной бюрократией — с другой. Заметная роль столичного купечества и ремесленников во внутривизантийской жизни страны в XI в., по мнению ученого, доказывает их экономическое преуспевание (р. 580). В дальнейшем их политическая роль оставалась ограниченной, а после 1203—1204 гг. окончательно исчерпала себя (р. 590). Изучение воздействия торговых капиталов итальянского купечества на внутреннее положение Византии побуждает М. Ф. Хенди искать причины ее экономического упадка не в торговом соперничестве с ее партнерами, а в собственной государственной структуре, со-

² См. об этом: *Медведев И. П.* Очерки византийской дипломатики: Частноправовой акт. Л., 1988. С. 15—16.

циальных отношениях и идеологии (р. 600).

Центральное место в исследовании М. Ф. Хенди занимают проблемы финансов и денежного обращения. Он характеризует общие принципы работы финансовых ведомств Византийской империи и определяет суммарные размеры ее бюджета. По подсчетам М. Ф. Хенди, в VI в. имперские доходы составляли пять-шесть миллионов иперпиров, в XIV в. — один миллион иперпиров (р. 172). Ученый оценивает также экономические позиции верхушки господствующего класса. В условиях ограниченного монетного обращения аристократии зачастую приходилось довольствоваться продукцией своих поместий (р. 218—219).

М. Ф. Хенди дает разностороннюю характеристику денежного обращения и контроля над ним, оттеняя его специфику в Византии. Примером служит уплата податей полноценной серебряной монетой. Сумма взноса («харагма») несколько превышала размер установленных налогов. Разница между харагмой и размером налога погашалась государством неполноценной монетой (р. 285—287). Региональные особенности денежного обращения в Византии выражались в колебаниях размеров монетной эмиссии, провинции были менее насыщены денежными средствами, чем столица и ее окрестности. Контроль над денежным обращением возлагался на чиновников фиска и менял, а также городские церкви — центры купеческих колоний и кварталов (р. 334—337). Преднамеренная порча монеты предотвращалась обращением монет в виде фиксированных сумм в опломбированных сумках-кошельках. Эта мера позволяла учитывать разницу между теоретическим и действительным весом монет в форме так называемой «обрисы». Исследователь отмечает попытки византийских правителей утвердить принудительный курс чеканенных ими монет в стремлении к максимальной прибыли от очередной денежной эмиссии (р. 366—367). Наряду с этим, автор устанавливает связь между естественной изнашиваемостью монеты и уменьшением размеров счетных единиц. Вслед за снижением веса номисмы наблюдалось падение размеров либры, особенно значительное в IX и XIII в. К XIV в. вес либры уменьшился с римского уровня 324/325 г до 304 г (р. 338).

В ходе исследования М. Ф. Хенди изучает изменения денежного курса и деваль-

вацию номисмы из-за уменьшения ее веса и пробы, а также причины и следствия этих явлений. Ученые связывают девальвацию византийской монеты, курс которой заметно падает в XI в., как с глубинными процессами и переменами в византийской экономике и обществе, так и с аналогичной девальвацией монеты в странах Западной Европы и мусульманского Востока, испытывавших «серебряный голод»¹. Крупное обесценение номисмы иперпира, наблюдаемое с середины XIII в., ведет к полному исчезновению из обращения золотой монеты в Византии. Оно объясняется началом в XIII—XIV вв. чеканки золотой монеты в странах Западной Европы, прежде всего — Италии². М. Ф. Хенди считает падение курса номисмы в XI в. первой фазой финансового кризиса. Она названа «девальвацией экспансии» (*dévaluation d'expansion*): подразумеваются политические обстоятельства, в которых протекало обесценивание денег. Вторая фаза снижения денежного курса охватывает вторую половину XIII—первую половину XIV в. Результатом стал переход Византии во второй половине XIV в. от монетной системы, основанной на золотой чеканке, к серебряной. Он обусловлен, по мнению М. Ф. Хенди, всеобщими тенденциями развития экономики Средиземноморья (р. 235—237).

Ситуацию, возникшую в средиземноморском регионе в XIII—XIV вв. из-за одновременной эмиссии в Италии и Византии золотой и серебряной монеты, специалисты определяют различным образом. Иногда ученые прибегают к понятию «биметаллизм». Оно служит для обозначения денежной системы, основанной на паритетном обращении золотой и серебряной монеты. Таковым считает денежное обращение после выпуска золотой монеты в Генуе, Флоренции и Венеции Дж. Луццатто. Впрочем, им признана неустойчивость биметаллизма. Он очень быстро сменяется, по словам ученого, двумя обособленными монетными системами. Одна из них основана на обращении золотой, другая — серебряной монеты. По сути дела, Дж. Луццатто говорит о системе параллельной валюты. В первые десятилетия XV в. она преобразовалась в монометаллическую монетную систему, базирующуюся на золотой чеканке. Надо подчеркнуть, что итальянский историк все высказанное им об обеих монетных системах относит исклю-

¹ *Watson A. M. Back to Gold — and Silver // Economic History Review. L., 1967. Vol. 20, N 1. P. 1, 4, 10—11; Morrisson C. La dévaluation de la monnaie byzantine au XIe siècle // TM. P., 1976. Vol. 6. P. 27—30; Bertelè T., Morrisson C. Numismatique byzantine, suivie de deux études inédites sur monnaies des Paléologues. Wetteren, 1978. P. 46; Metcalf D. M. Coinage in South-Eastern Europe, 820—1396. L., 1979. P. 69; Grierson Ph. Byzantine Coins. L., 1982. P. 201.*

² *Grierson Ph. Byzantine Coins. . . P. 13, 277—278. См. также: Lopez R. S. The Commercial Revolution of the Middle Ages, 950—1350. Cambridge, 1976. P. 106, 144; Cipolla C. M. Before the Industrial Revolution. L., 1981. P. 200; Runciman S. Byzantine Trade and Industry // The Cambridge Economic History of Europe. Cambridge, 1987. Vol. II. P. 164. К названным трудам следует добавить исследование М. Балара (*Balard M. Monete bizantine e monete occidentali a Bisanzio dal XIII al XV secolo*) и другие материалы семинара, проведенного в 1979 г. в Центре византийских исследований университета Бари (*La cultura bizantina: oggetti e messaggio. Moneta ed economia / Corsi Di Studi, IV. Bari, 1979*). Их издание нам недоступно.*

чительно к своей родине³. Возможность биметаллизма денежной системы Византии допускают Т. Бертеле и С. Морриссон. По их мнению, биметаллизм свойствен эпохе Константина I и прослеживается в конце правления Андроника II Палеолога. В последнем случае биметаллизм оказывается кратковременным периодом и к концу XIV в. в Византии утверждается монометаллизм, основанный на обращении серебряной монеты⁴. В современной западной историографии разрабатывается также концепция «биметаллизма в международной торговле» Средиземноморья. Приверженцы этой теории исходят из посылки формирования на протяжении IX—XIII вв. денежного обращения, основанного в западной части Средиземноморья на серебряной, в восточной — на золотой монете. Очевидна тенденция к обмену между двумя регионами излишками драгоценных металлов: золото распространялось с востока на запад, серебро — в противоположном направлении. Вследствие неблагоприятной экономической конъюнктуры биметаллизм на юге Европы не стабилизировался. Византия в XIV в. испытывала утечку золота в Италию. Истощение золотого запаса — закономерность, характерная для всех Балканских стран, — в Византии компенсировалось притоком серебра из Италии. И эта тенденция, по выражению одного из сторонников рассматриваемой теории, Д. М. Меткалфа, несовместима с биметаллизмом⁵. В целом разноплановые суждения о биметаллизме достаточно легко согласовываются с позицией тех исследователей, которые, избегая применения упомянутого термина, представляют трансформацию денежной системы поздней Византии как постепенный «переход» от системы, основанной на золотой монете, к системе, базирующейся на использовании собственной и привозной серебряной монеты⁶.

Именно к такому пониманию явлений тяготеет концепция М. Ф. Хенди. По его словам, византийские правители, законодательно запрещая вывод драгоценностей, проводили последовательный курс на «закрытую экономику» (р. 257). Однако Византия не была полностью изолирована от внешнего мира и в XII—XIII вв. она, наподобие мусульманских стран, правда, в меньшей мере, ощутила недостаток серебра. В поздней Византии надзор за вывозом высокопробной монеты ослабился, что способствовало переходу с монетной системы, основанной на золоте, к системе, живущейся на использовании серебра (р. 278—279). М. Ф. Хенди ста-

вит под сомнение теорию исчезновения из обращения золотого иперпира в поздней Византии вследствие ее политического и экономического упадка. И далее уточняет: в XIII—XIV вв. происходит взаимное замещение ареалов двух монетных систем и на западе Средиземноморья утверждается монетная система, построенная на золотой чеканке, а на востоке — серебряной. Причины этого процесса, по мнению ученого, пока совсем ясны (р. 546—547).

Большой удельный вес в монографии М. Ф. Хенди занимает исследование монетного производства и истории формирования монетной системы Византии. Ученый связывает последнюю воедино с крупными административно-политическими преобразованиями. Исходной точкой исследования выбрана реформа Диоклетяна, заложившая основы государственного устройства Римской, а затем Византийской империй (р. 16—18). Это обстоятельство само по себе указывает на принадлежность научной позиции М. Ф. Хенди к тому направлению нумизматики, которое черпает свое начало в традициях римско-византийского континуитета.

В последнем, четвертом разделе книги — «Монетная система (Производство)» — ученый развивает мысль о том, что монетной чеканке Византийской империи, в отличие от стран Западной Европы, свойствен континуитет (р. 398), и выявляет тенденцию к централизации монетного производства. Вместе с тем взаимосвязь между монетным производством, развитием монетной системы и административными преобразованиями не представляется однозначной и прямолинейной. В главе об административных основах монетной системы (р. 371—447) ее эволюция разделена на шесть периодов: 284—400, 400—610, 610—800, 800—1081, 1081—1204, 1204—1453 гг. Административные и финансовые реформы Диоклетяна и Константина I укрепили денежное хозяйство, а реформы Валентиниана I 366—369 гг. благоприятствовали концентрации производства монет из драгоценных металлов на монетных дворах крупнейших городов империи (р. 394). Реформы Ираклия (628—630) сопровождались модификацией монетной продукции и способствовали централизации монетного производства и снабжения. В 1081—1204 гг. возникают предпосылки для слияния ведомств государственных и личных императорских имуществ (р. 433). В ходе осуществления реформы 1092 г. вновь начали функционировать

³ Luzzatto G. Storia Economica d'Italia: Il Medioevo. Firenze, 1963. P. 281—285. В кратком варианте своего труда Дж. Луццатто, характеризуя денежное обращение Средиземноморья XIII—XV вв., воздерживается от употребления термина «биметаллизм». См.: Luzzatto G. Breve Storia Economica dell'Italia Medievale. Torino, 1977.

⁴ Bertelè T., Morrisson C. Numismatique byzantine. . . P. 93—94.

⁵ Watson A. M. Back to Gold. . . P. 17—18, 29—30, 33—34; Metcalf D. M. Coinage. . . P. 195, 277—280, 298—302.

⁶ Ср.: Bertelè T. Moneta Veneziana e Moneta Bizantina // Venezia e il Levante fino al secolo XV. Firenze, 1973. Vol. 1, pt. 1. P. 17, 22; Wirth P. Das Ende der römisch-byzantinischen Goldwährung // Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte. München, 1975. Bd. 25. S. 113, 121—122; Grierson Ph. Byzantine Coins. . . P. 278—279.

монетные дворы в провинциальных городах. В 1204—1453 гг. административная система Византии упрощается и окончательно исчезают различия между императорской сокровищницей (вестиарием) и казначейством (р. 441—442, 445—446). Деятельность столичного монетного двора прослеживается вплоть до падения Константинополя в 1453 г.

В главе об истории монетной системы (р. 448—551) М. Ф. Хенди выделил пять периодов ее развития: 284—491, 491—717, 717—1081, 1081—1341, 1341—1453 гг. Первый из них характеризуется стандартизацией веса золотой монеты в 286 г. и стабилизацией серебряной, биллонной и медной монеты. К началу периода 491—717 гг. в монетной системе Византии наметился разрыв между монетами из драгоценных и неблагородных металлов. Как известно, сложившееся положение подрывало основы биметаллизма денежной системы ранней Византии. Массовая эмиссия мелкой медной монеты при Анастасии ускорила крушение биметаллизма⁷. М. Ф. Хенди подчеркивает позитивность проведения реформы Анастасия (р. 475—477). Большое внимание уделено проблеме распространения легкой золотой монеты, ухудшения ее пробы и изменения формы. Затронувший Византию «серебряный голод» сопровождался сокращением эмиссии серебряной монеты, значительными колебаниями веса медного фолла и чеканкой неполноценной номисмы. Полноценная золотая монета («номисма-хистамена») исчезает из обращения. Ее нарицательный курс превращается в счетную единицу (р. 511—512). Реформа Алексея I преобразовала монетную систему и обеспечила ее стабильность. После восстановления Византийской империи в 1261 г. наблюдается постепенное ухудшение качества номисмы. Попытка фискальной реформы 1321 г. Андроника II Палеолога не приостановила процесс разрушения созданной при Алексее I монетной системы и вскоре совершается переход к другой, основанной на серебряной чеканке.

Предшественники М. Ф. Хенди, в частности Д. М. Меткалф и Ф. Гриерсон, относят эту реформу ко временам Андроника IV (1376—1379), а С. Бендалл и

П. Доналд выпуск новой серебряной монеты и первый этап реформы датируют 1355—1376 гг.⁸ В свою очередь, М. Ф. Хенди предполагает, что первая попытка перехода к системе, построенной на обращении серебряной монеты, была предпринята Андроником III и оказалась безрезультатной. Эта задача была разрешена Иоанном V Палеологом, вероятно в 1366—1367 гг. Возможно, что какой-то промежуток времени серебряные монеты Андроника III и Иоанна V существовали (р. 545).

М. Ф. Хенди приводит очерк о денежной единице, известной в итальянских документах XIII—XV вв. под названием «soppino». В новейшей литературе вопрос о ней поднимался неоднократно⁹. И, пожалуй, лишь М. Ф. Хенди удается охарактеризовать ее наиболее полно. Это был серебряный слиток или равная ему по стоимости сумма серебряных монет. Судя по весу слитка (около 200 г), М. Ф. Хенди отождествляет его с новгородской гривной. Ученый выдвигает концепцию, по которой слиток-гривна выступает как фракция крупной денежной единицы (весом около 2 тыс. г), распространенной в Китае, Монголии, Персии и Армении (р. 547—551).

В конце книги М. Ф. Хенди излагает, по его определению, предварительные наблюдения (р. 553—669). Исследователь реконструирует механизм товарно-денежного обмена и показывает, что не торговля, а особенности фискальной организации и бюджета Византии обусловили специфику функционирования денежной системы и ее упадок (р. 599—600). Для М. Ф. Хенди очевидна необходимость исследования механизмов распределения денежных средств на территории государства и воздействия монетной эмиссии на ценообразование.

Монография М. Ф. Хенди снабжена большим количеством карт, схем и таблиц, фотоснимками 630 позднеримских и византийских монет, содержательным научно-библиографическим аппаратом. Книга является фундаментальным обобщением современных научных данных и превосходным справочным пособием.

Ю. Я. Вин

Elbern S. *Usurpationen im spätrömischen Reich*. Bonn: Habelts Dissertationsdrucke. Reihe Alte Geschichte. 1984. N. 18. 255 S.

Главный акцент исследования, защищенного как диссертация в Западнорейнском Свободном университете, по формулировке автора, приходится не на публично-правовую проблематику позднеантичных узурпаций, а на «фактические обстоятельства» нелегальных приобрете-

ний императорской власти, на «их причины и поводы, силы, которые их поддерживали, и просопографию достигших власти лиц» (S. 6). Если обратиться к последней из задач, которые ставит перед собой Штефан Эльберн, то нетрудно заметить основательность, с которой

⁷ Metcalf D. M. *The Origins of the Anastasian Currency Reform*. Amsterdam, 1969. P. 11—12.

⁸ Metcalf D. M. *Coinage*. . . P. 334; Grierson Ph. *Byzantine Coins*. . . P. 13, 314—316; Bendall S., Donald P. J. *The Later Palaeologan Coinage*. L., 1979. P. 130—131.

⁹ Слепова Т. И. Некоторые аспекты распространения венецианских и генуэзских монет и их подражаний в Восточном Средиземноморье и Северном Причерноморье в XII—XV вв. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXVI. Л., 1986. С. 27—28; Spufford P. *Coinage and Currency // The Cambridge Economic History of Europe*. Vol. II. P. 816—817; Metcalf D. M. *Coinage*. . . P. 332—333.